

ОБРАЗОВАНИЕ И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Комиссия Общественной палаты РФ по вопросам интеллектуального потенциала нации (председатель — ректор ГУ–ВШЭ Ярослав Кузьминов) провела Межрегиональную конференцию «Образование и гражданское общество в Российской Федерации».

В работе конференции приняли участие общественные и некоммерческие организации регионов Российской Федерации, занимающиеся вопросами развития образования, представители Министерства образования и науки РФ, члены Общественной палаты РФ, представители педагогической и родительской общественности. Основная тематика пленарного заседания посвящена таким проблемам: гражданский заказ образованию; взаимодействие системы образования, общества и государственной власти в решении актуальных проблем образования; участие общества в управлении образованием.

Публикуем некоторые выступления участников конференции.

Общество и образование: нужна согласованность целей и ценностей

Ярослав Кузьминов, ректор Государственного университета — Высшей школы экономики, кандидат экономических наук

Особенности образования в России существенно выделяют его как социальный институт из ряда образовательных систем мира. Масштабы образования у нас большие, охват населения образованием очень большой. Мы развитая страна, с весьма и весьма образованным обществом. Но и это не особенность России. Есть её особенность и серьёзная, о которой редко говорят, но из которой мы молчаливо исходим. **Мы считаем образование своей национальной чертой, не обязательным институтом, а как некоторой внеэкономической ценностью, не связанной напрямую с материальным благосостоянием и общественным положением личности.**

Мы воспринимаем образование как некий социальный и нравственный императив человека: образованный человек — это хороший человек, а образование — высшая ценность сама по себе. Может быть, в обществе, насильственно лишённом религиозных начал, религиозных оснований в течение почти века, образование сыграло роль молчаливого «заместителя» той этической конструкции, которую в ряде стран несёт в себе религия. Может быть, ещё почему-то. Может, потому, что образование дало массе граждан, вышедших из бедных, необразованных слоёв населения, возможность колоссального социального лифта в советское время. Именно доступ к образованию дал им старт к реальной карьере. Образование как внеэкономическая ценность до сих пор остаётся базовой ценностью российского общества. Отношение к образованию нас объединяет.

И вторая особенность России — это огромная географическая протяжённость и многонациональность страны. Очень сложное соотношение между, с одной стороны, однородностью системы, а с другой — её разнородностью. Разнородностью по языкам национальных республик, по качеству образования и очень резким различиям по его ресурсной базе. Таких резких различий нет ни в одной крупной стране в таком массовом масштабе. В бедных странах есть точечные элитные школы, но есть в целом бедная школа. В элитных школах учатся дети богатых родителей, затем уезжают учиться на Запад — такова колониальная модель образования. В России не такая система. В России есть большие богатые регионы, где сосредоточена половина населения. Есть регионы беднее, а есть и совсем бедные. И внутри регионов — огромный разрыв, и даже не между городской и сельской школой, а между школой крупных и малых городов и посёлков. В них абсолютно разная социальная среда и, конечно, качество образования, зависящее и от ресурсов, и от характеристики социальной среды. Сложная проблема, но мы о ней редко говорим, хотя обязаны говорить.

Ещё одна группа особенностей — это искажённая структура спроса на образование, неустойчиво и крайне слабо прогнозируемая ситуация на рынке труда. Наше образование во многом унаследовано по структуре от советского времени, это очень инерционная система. Инерция — не всегда плохо, иногда и хорошо. Но в этом случае инерция сказывается негативно. У нас переходная экономика, люди дезориентированы: не знают, какие профессии будут обеспечивать хороший уровень жизни через пять лет.

Такого рода проблемы — особенно образования в России, во многом, повторю, зависят от того и порождены тем, что оно выросло из Советского Союза и до сих пор сохраняет ряд специфических черт, обусловленных сочетанием унитарного государства с духовно-нравственной сущностью образования.

Ещё одна особенность, о которой часто говорят, резко критикуют, — это стандарты. У нас чрезмерно жёсткие образовательные стандарты. Это тоже атавизм командно-административной системы. В нашей школе для всех детей одна общая траектория и почти нет выбора. В вузах тоже почти нет выбора. Мы проводили опрос в вузах — доля выбора на старших курсах меньше 15%. Для сравнения: в западной средней и старшей общеобразовательной школе выбор составляет 40%; это средний показатель в разных странах, а в высших образовательных учреждениях он составляет 60%. Мы очень зажаты в рамки стандарта, из этой колеи нам надо потихоньку выбираться.

Сегодня всем очевидны кризисные явления в результатах образования. Один из существенных вопросов — насколько оно выполняет свою роль в социализации молодого поколения? Из школы фактически выпало воспитание, школа не даёт необходимых социальных навыков коммуникаций. Это проявляется во многом: нет базовых предметов, таких, как экономика и право, нет опыта коллективных проектов. А ведь советская школа в 30-е годы давала прекрасный опыт разработки коллективных проектов. Проявляется и отставание школьной программы, и частных методик.

Образование отстало в формировании необходимых квалификаций для рынка труда. В основном это проблема не школы, а профессионального образования. Но и школа вносит свою лепту в эту проблему. Профучилища дают молодым рабочим 2–3-й разряд вместо 4–5-го, которые востребованы на рынке. В то же время существует перепроизводство специалистов с высшим образованием, отсюда — резкое несовпадение подготовки кадров и потребности в них.

Наше образование практически перестало выполнять такую функцию, как обеспечение равного старта для всех школьников, независимо от благосостояния родителей. В 90-е годы прошлого

века школа практически эту функцию утратила, и за шесть лет нового века почти ничего в этом направлении не сделано, кроме Единого госэкзамена. По-прежнему качественное высшее образование в России недоступно без связей и денег. В стране частного образования, например в США, в частных университетах 30–40% мест обеспечиваются грантами различных фондов и собственными средствами университетов. Гранты эти даются студентам из нацменьшинств и бедным студентам.

Но в России ни один вуз этого не делает.

Начальное и среднее профессиональное образование стало тупиковой веткой, оно не обеспечивает выпускникам социального лифта. Если в 50–60-е годы перед человеком, окончившим техникум, была открыта карьера, то сейчас это практически тупик, и люди, которые вынуждены идти в эти учебные заведения, имеют меньше шансов сделать карьеру, связанную с хорошим заработком, с интересной работой.

У нас оказалась искажённой такая важная социально-экономическая проблема, как отбор и формирование профессиональных элит. Фактически высшие учебные заведения, да и некоторые школы, приобретают сегодня в лице студентов и учащихся дополнительные к бюджету деньги и связи вместо таланта и будущих профессионалов. Декларативно продолжают «поиски талантов», а фактически учебные заведения по экономическим соображениям вынуждены в первую очередь искать студентов из состоятельных семей.

Наконец, проблема, которая относится к взаимодействию образования и науки. И при советской власти наука и высшая школа были отчуждены друг от друга. Это продолжается и сейчас, только ситуация усугубилась из-за резкого падения качества высшего образования. 80% программ высшего образования не базируется на разработках преподавателей вузов. Финансирование науки в вузах составляет 10 долларов в месяц на одного преподавателя. Это примерно втрое меньше, чем в университетах других стран. Что можно сделать на 10 долларов в месяц, можно себе представить. Наши вузы не стали центрами подготовки инноваторов, высококвалифицированных кадров. Если мы не вовлекаем студентов в процесс исследования, в анализ инноваций, то мы просто не готовим их к жизни в современной экономике, потому что современная экономика более чем на 60–70% создана инновационными производствами, требует инноваторов, а высшая школа перестала их готовить.

В чём основная причина такой деформации? Начнём с того, что постоянно растущий спрос на образование не обеспечен ресурсами. Ресурсное обеспечение образования, если отсечь инфляцию, стабильно, а на протяжении последних двух лет даже немного выросло. Но и спрос на высшее образование резко возрос. Расширение спроса при тех же ресурсах и привело к резкому недофинансированию образовательной системы. Сейчас можно сказать, что финансирование образовательных программ школы, профучилищ, вузов и ссузов не обеспечивает

даже качественного воспроизводства системы, не говоря уже о её развитии.

И мы всё это знаем на своём опыте: оплата преподавателей отстаёт от альтернатив в два-три раза и ведёт к негативно-му их отбору. Начиная с 90-х годов прошлого века, система образования выталкивает людей высокой квалификации, создаёт стимулы к тому, чтобы люди с высоким потенциалом не становились учителями, преподавателями высшей школы. При советской власти педагогические кадры были значительно сильнее.

Государственные расходы на образование в России в 2005–2006 гг. составили 3,7%. Практически мы позади всех стран. А вот расходы на одного учащегося: в системе общего образования мы примерно в 2,5–3 раза отстаём от развитых стран, по профессиональному образованию даже трудно какие-то сравнения найти, чтобы определить степень отсталости.

Основная проблема образовательной системы не только в низком ресурсном обеспечении. Главное — устаревшие способы организации образования. Бюджетное содержание учебных заведений сегодня полностью оторвано от результатов их деятельности. Потребители образования не обеспечены элементарной информацией об относительном качестве образовательных программ. Вузов, которые публикуют рабочие учебные планы, сегодня меньше трети, а все остальные предлагают потребителям «кота в мешке» разного цвета. Если говорить об учреждениях общего образования, то здесь потребитель может питаться только слухами. Система отбора в учебные заведения не обеспечивает, как уже было сказано, отбор более талантливых учащихся.

Ресурсы государства при этом очень небольшие. Они продолжают растрачиваться на несистемные цели. Мы по-прежнему содержим детей в детских дошкольных учреждениях. Я не против того, чтобы кормить детей за государственный счёт. Но в детских дошкольных учреждениях воспитываются у нас дети относительно

обеспеченной части родителей. А надо помогать и тем детям, которые не попали в детские дошкольные учреждения. И, конечно, нельзя платить абсолютно нищенскую зарплату воспитателям детских дошкольных учреждений.

Мы продолжаем обеспечивать питанием и обмундированием воспитанников учреждений начального профессионального образования. Но это не функция образования, это функция социальной защиты, помощи и должна реализовываться другим министерством. Мы расходует до 10 миллиардов рублей в год — это огромные деньги для высшей школы — на стипендиальное обеспечение. Но это позорно низкие стипендии. Большинство вузов всем выплачивает 600–800 рублей. Как можно прожить на эти деньги в любом городе? Все прекрасно понимают, что нельзя. Студенты из бедных семей уходят из вузов, потому что государство не может им помочь даже в размере прожиточного минимума. По этому поводу у нас есть печальная статистика.

До 30% ресурсов системы образования направляется на реализацию тех аспектов программ, цели которых не достигаются. Менее 20% выпускников непрофильных школ, изучавших с 5-го класса иностранный язык, реально его осваивают. Более половины учащихся 10–11-х классов практически игнорируют предметы, не связанные с выбранным ими профилем обучения. Полное среднее общее образование в профучилищах и техникумах более чем в половине из них сводится к профанации, и все это знают. 40% выпускников профучилищ не получают необходимой на рынке труда профессиональной квалификации. Иными словами, мы учим, перевыполняя планы по заданному не нужным рынку профессиям, которые устарели более десяти лет назад. Больше половины студентов вузов не используют в работе так называемые узкопрофессиональные компетенции. Фактически эти люди получили общее высшее образование за пять лет вместо

трёх, которые реально для этого нужны, — трудоустроились на 3–4-м курсах, время от времени ходят на занятия.

Ещё одна проблема структурных деформаций в нашем образовании. Дело в том, что семьи сейчас платят за него большие деньги. Около 60% семей заявляют, что готовы платить за то, чтобы их дети получили качественное образование. Это очень высокий процент. Куда же идут эти ресурсы? Школы практически не могут предоставлять образовательные услуги за пределами учебных планов, их за это карают. Поэтому деньги уходят на «теневой» рынок, а он менее эффективен. **Индивидуальная трудовая деятельность в системе образования заведомо менее эффективна.** Образование — это коллективное благо, и мы это прекрасно знаем. Переход из школы в вуз по-прежнему стоит миллиард долларов в год — это деньги семей, которые уходят на репетиторов, на платные курсы, деньги, фактически уходящие из системы образования.

Большинство семей считает, что самое важное — дать детям высшее образование. И сегодня на одного учащегося профучилища приходится 4 студента вуза. Сейчас мы идём к тому, что в 2010-м году на одного ученика профучилищ будет 8 студентов вузов. Это безумная деформация. Будущее, бесспорно, принадлежит более высокому образованию. **Но в будущем любая страна должна иметь людей, квалифицированно работающих руками.** Это — особый талант. В ряде стран — в Германии, во Франции, в Японии и в других странах — есть замечательные примеры позитивных образовательных траекторий, связанных с работой руками, с гостиничным сектором; есть профессора кулинарии во Франции, есть масса степеней профессионального мастерства. И человек, который выбрал рабочую профессию, не стыдится её. А мы посылаем в образовательные учреждения, дающие рабочие профессии, тех подростков, которые не хотят учиться, а после этого сетуем: почему нас так плохо обслуживают? Почему у нас так скверно строят? Почему наши задумки не реализуются нашими рабочими? А кто их будет реализовать? Люди, импортированные на короткий срок из других стран? А ведь в России испокон веку существовали такие понятия, как столярное, слесарное искусство, сапожный, кожевенный мастер и т.д.

Почему сегодня россияне выбирают высшее образование, более или менее известно: во многом это связано с жупелом призыва в Вооружённые силы. Общественная палата уже выступала по этому поводу.

Во всём мире 60–70% студентов — это так называемые бакалавры, люди, которые получают высшее общее образование. Это базовая квалификация, свидетельствующая о том, что эти люди умеют общаться, работать в рамках проектов. Но они не получают ещё высокопрофессионального образования. Они выходят на рынок, работают, востребуются рынком, и только 30% получают профессиональное образование.

Муниципальным управлениям закон — не указ: сход — против, а школы-девятилетки нет...

Как известно, объявлен открытый федеральный конкурс «Государственная поддержка субъектов Федерации, внедряющих комплексные проекты модернизации образования». Регионы-победители конкурса получают весьма ощутимые субсидии на модернизацию региональных образовательных систем. В стремлении к «модернизационному гранту» в некоторых регионах закрывают «невыгодные» сельские школы или «модернизируют» их так, что вызывают резкий протест населения. Родители из посёлка Краснолесье Калининградской области не согласились с вариантом модернизации школы. Уже полгода их дети занимаются самообразованием, а выведенные за штат учителя учат их бесплатно.

Школа посёлка Краснолесье — не из самых малочисленных. В сентябре 2006 года её посещали 66 детей: 43 — школы и 23 — детский сад. К 2010 году число школьников должно было немало увеличиться.

Но в апреле 2006 года в Краснолесье пришёл приказ главы местной администрации Натальи Чавычаловой — реорганизовать краснолесскую основную школу в начальную школу-сад в связи «с недостатком финансирования» (чиновникам не хватило 373 тыс. рублей, чтобы заплатить учителям до конца 2006 года).

В июне решение местных властей подтвердила министр образования Калининградской области Наталья Шерри. Правда, с другой мотивировкой: по её словам, «финансовый вопрос никогда не стоял во главе угла». «В краснолесской школе низкий уровень образования, — заявила министр. — В школе десять педагогов, и только пятеро имеют высшее образование. Мы же школу не закрываем, а реорганизуем. А детям обеспечиваем подвоз, сопровождение педагога и прорабатываем маршруты». Обещанная проработка не затянулась: начальные классы реорганизуемой школы решили оставить на месте, а детей (с 5-го по 8-й классы) — возить в школу посёлка Дубовая роща за 12 км от Краснолесья.

В перспективе ликвидация сельской средней школы сулила местным чиновникам значительные выгоды.

Деформации в образовании деформируют всё общество.

Соотношение доходов работников образования и заработная плата в других отраслях экономики годами не меняются. Сегодня нередко слышишь: да, доходы у учителя небольшие, но знаете, сколько он добывает с учеников? Преподаватели Высшей школы экономики ведут по заданию Министерства образования и науки РФ экономический мониторинг образовательной системы, проводят опросы всех её субъектов, учеников, родителей, педагогов, студентов, сравнивают наши показатели с объективной статистикой. **Работники образования имеют 61% от средней зарплаты по стране.** Поэтому разговоры о том, что они «жируют» за счёт семей, необоснованны. **Средний преподаватель, массовый учитель нашей страны — это человек очень небогатый, человек совершенно неуспешный в получении доходов.** Тем не менее, он работает в системе образования, пытаясь честно выполнить свой профессиональный и гражданский долг. Люди, которые сложились в 70–80-е годы прошлого века, остаются подвижниками. А вот те, кто приходит в систему образования заново, — это уже люди часто с другой моралью. По результатам нашего опроса видно, что все они вовлечены в сферу таких отношений, где абсолютно невозможные прежде становятся возможными, где складывается другая мораль, окружающая преподавателя. **И эта мораль пренебрегает долгом перед учениками, студентами, побуждая всё сводить к задаче обеспечить себе высокий доход. Это очень опасная для системы образования ситуация.**

Мы стали говорить о коррупции в системе образования. «Чемпионы» здесь, к сожалению, высшие учебные заведения. Это происходит потому, что давление рынка очень велико для соблазнов. Школы пока не стали носителями сколько-нибудь различимой населением коррупции. Это тоже очень важный вывод. Ситуация в общем образовании пока ещё значительно отличается от ситуации в профессиональном, особенно в высшем профессиональном, образовании. Тяжёлая болезнь поразила пока часть системы. **Общеобразовательная школа остаётся в значительной степени вне этой болезни, и я считаю, что задача общества всеми силами предотвратить распространение этого опасного заболевания на школу.**

И без того в общем образовании немало проблем. Почему, например, не идёт реформа образования? Я думаю, что у всех есть совершенно чёткое представление о том, что все разговоры, констатирующие проблему, остаются декларацией, масса программ, практически не реализуется и тоже остаётся лозунгом. Фактически Единый государственный экзамен и, может быть, процентов на 20 профильная школа — единственные прорывы в том, что пыталось сделать государство за последние годы. Почему не идёт преобразование, не идёт развитие? Общее понимание кризиса есть. Нет общественного согласия по стратегии — куда идти? Как идти? **И на фоне того,**

что ректоры блокируют реформаторов, реформаторы — ректоров, чиновники ограничивают самостоятельность школ, общество недовольно школой. И государство, и общество к тому же достаточных ресурсов образованию на этом фоне не выделяют. Министр финансов А. Кудрин говорит, что и не даст образованию денег, пока оно находится в таком состоянии. И он отчасти прав: нынешняя система образования способна «пережевать» любые деньги с очень низким эффектом.

Кто сегодня наиболее заинтересован в развитии системы образования, в её совершенствовании? Я бы выделил шесть групп: само государство, учащиеся, их родители, преподаватели и руководители учебных заведений, работодатели. Между ними необходимо согласие, консенсус. Необходимо все эти стороны посадить за стол переговоров и добиться выработки единой позиции по тем аспектам, которые для них значимы. Необходимо сформировать такую образовательную политику, которая будет поддержана всеми заинтересованными сторонами. Без этого никакой политики не будет и никакая реформа не будет реализована. Государство может делать чисто формальные вещи. Но без помощи учителей оно ничего не сможет сделать для школы. Но и учителя, предоставленные самим себе, тоже ничего не сделают...

Надо признать, что цели и ценности субъектов образования разные. Мне кажется, что об этом у нас до сих пор не говорили. Для начала нужно сформулировать эти цели, сопоставить их, а потом начинать реализовывать их. Пока же у нас все цели «общенародные»: формулирует их узкая группа людей — экспертов правительства, и это попадает в документы об образовании.

Инструменты согласования целей и ценностей образования я вижу такие: это переговорные дискуссионные площадки, на которых вырабатывается политика. При её выработке нужно учитывать мнение разных людей в процессе принятия решения.

Следующий инструмент — участие в оценке качества образования. Я приведу один пример — это Единый госэкзамен. К нему есть масса претензий, которые не могут быть сняты только с помощью государства. В южных регионах страны всегда был дождь медалей в школах. Сейчас у них очень много хороших результатов по ЕГЭ. Каким образом с этим бороться? Думаю, что только публичностью. Невозможно полагаться здесь лишь на государственные структуры. Только публичность! На наших политических выборах сидят рядом представители Коммунистической партии и «Яблока», они зорко смотрят за тем, как считают бюллетени. А почему на процедуре Единого экзамена нет представителей родительских обществ? Можно и это сделать, и другие формы поискать. Сама по себе возможность найти инструменты согласования образовательной политики очень важна для нашего государства.

И последнее: информационные сети. Как построить обмен информацией в рамках образовательной системы? Механизм

Как стало известно сотрудникам «Газеты.Ру», Калининградская область решила участвовать в новом конкурсе Минобрнауки по поддержке регионов, внедряющих комплексные проекты модернизации образования. В условиях отбора записано, что регион должен «осуществлять переход на нормативное подушевое финансирование общеобразовательных учреждений» — за это дают аж 270 баллов. Правда, в этом случае финансирование школы напрямую зависит от числа учеников, а не учителей, что ставит сельские школы в заведомо проигрышную ситуацию. Формально, для сельских школ с их малой наполняемостью предусмотрены повышающие коэффициенты, однако их размер регион определяет сам. А удалённым школам, где учеников меньше 10, не выжить ни при каких коэффициентах, утверждают директора сельских школ. Но местные власти ставят на выигрыш крупных «модернизационных» грантов и «сдают» малокомплектные школы одну за другой. Родители же не получают от этого конкурса ничего, кроме головной боли. Так вышло и в Краснолесье.

Как оказалось, подвоз детей в новую школу по местным дорогам вообще невозможен. Из посёлка ведут две дороги — в Дубовую Рошу (12 км) и в Гаврилово (14 км). Это узкие грунтовки вперемешку с разбитым асфальтом и ещё довоенной булыжной мостовой, с крутыми спусками, которые зимой превращаются в каток. По ним со страшным грохотом то и дело проносятся лесовозы и карьерные самосвалы. Чтобы разминуться с ними, надо съехать на обочину. Половину декабря в Краснолесье не ходили автобусы — специальная комиссия признала дороги аварийными. «Кто даст нам гарантии безопасности детей? Кто их застрахует от аварии?» — возмутилась Надежда Шидлаускене, мать семиклассника Димы. «Ни страховки, ни гарантий чиновники не дали, зато пообещали отремонтировать дороги. Да вот только ремонт был запланирован на 2007 год, а возить детей предлагали с сентября 2006», — заявила она «Газете.Ру».

Что же касается якобы низкого качества преподавания в местной школе, то в посёлке не согласны и с этим утверждением. «Как можно говорить, что детям будет лучше в другой школе? Ведь у нас учителя детей чуть ли не за уши на уроки таскают. Разве в другой школе им будут столько внимания уделять?» — заявила учительница русского языка и литературы Любовь Михайленко.

Учитывая складывающуюся ситуацию, жители Краснолесья собрали сельский сход и 196 голосами постановили сохранить свою школу в прежнем статусе. По закону этого достаточно, чтобы снять вопрос и дать детям спокойно учиться в своей школе. Однако местные власти проигнорировали мнение схода и начали давление на родителей, отказывающихся отправлять детей в школу по опасным дорогам. Одновременно они перестали платить зарплату учителям краснолесской школы. Власть ясно давала понять — школы-девятилетки в Краснолесье не будет ни при каком раскладе. С этого времени ситуация Краснолесья стала развиваться не по обычному сценарию реорганизуемых малокомплектных школ.

Родители написали письма Президенту РФ Владимиру Путину, губернатору Калининградской области Георгию Боосу, министру образования Калининградской области Наталье Шерри, а затем подали заявление в районный суд, оспаривая решение о реорганизации школы.

1 сентября 2006 года они уведомили начальника управления Нестеровского района о том, что их дети переходят на самообразование. Автобус уехал в школу посёлка Дубовая роща пустым и больше в Краснолесье не приезжал. Дети продолжали ходить в школу, как обычно, а семеро учителей — учить их бесплатно. Кто-то устроился в школу-детский сад учителем, кто-то — совместителем, кто-то — педагогом группы продлённого дня. Но программу 5–8-го классов своим ученикам они давали совершенно бесплатно. Родители, правда, через спонсоров сумели раздобыть недостающие 373 тыс. рублей. Однако региональные чиновники заявили, что «образование у нас бесплатное, и потому финансировать школу из внебюджетных источников нельзя».

Лишь в конце января 2007 года был найден компромисс — создать на базе краснолесской школы консультационный пункт вечерней школы города Нестерова. Это позволит школьникам закончить учебный год, а учителям хоть что-то получить за свой труд. Компромисс, впрочем, имеет временный характер. Он продлится лишь до 1 июня 2007 года. После этого родители «должны определиться с формой обучения своих детей», заявили «Газете.Ru» в администрации Нестеровского района. Всего же в Калининградской области за 2006–2007 годы должны быть «реформированы» 65 сельских школ.

«Газета.RU»
www.edu.ru

общественного влияния сегодня очень неразвит. Практика формирования отдельных социальных групп только-только начала складываться. Общественная экспертиза отсутствует. В результате у тех, кто имеет голос, кто прорвался в средства массовой информации, очень часто позиции не аргументированные, эмоциональные, устаревшие, и очень легко от такой позиции отмахнуться. Бороться с этим надо одним путём: мы должны ставить острые вопросы, выделять министерству определённый ресурс для информирования общественности о ситуации в образовании, о результатах мониторинга экономики образования, мониторинга его качества, статистику Единого государственного экзамена. Я, например, статистики Единого государственного экзамена в газетах не видел. А в ряде стран итог ЕГЭ публикуется во всех газетах. Если же мы будем основываться только на своих впечатлениях, то нам и укажут, что это ваши впечатления, дело обстоит совсем не так. А как обстоит дело — знает только чиновник. Почему?

Считаю, что формирование согласованной образовательной политики с упором на слово «согласованной» должно быть самостоятельной задачей. Необходимо создать механизмы и процедуры общественного обсуждения, экспертизы, формирования взаимоприемлемых компромиссов в образовательных сообществах.

В Конституции РФ и в Законе РФ «Об образовании» образование рассматривается с государственной общественной позиции. Но во всей действующей нормативно-правовой базе интересы и личности, и общества представлены чисто декларативными нормами. **Их роль в формировании образовательной политики не раскрывается и не регламентируется ни в одном подзаконном акте.** За государством закреплены абсолютно все существенные функции — от оперативного управления, текущего контроля до управления развитием.

Ситуация с государственным образованием обременительна для государства, она фактически ведёт к выходу многих процессов из-под контроля — это и коррупция, и падение качества, неконтролируемый рост платы за обучение (в школе и в вузе).

Общественность практически лишена возможности участвовать в управлении образованием. Оттого у нас сегодня принятие решений монополизировано чиновниками, которые никого не слушают. В учебном заведении оно монополизировано руководителем учебного заведения, который тоже никого не слушает. **И очень часто это ведёт к ошибкам в определении образовательной стратегии.**

Поэтому при выработке политики в области образования надо признать разнородность интересов, помочь сформулировать групповые интересы, достичь их консенсуса. **А для этого надо обеспечить регулярное и достоверное информирование всех участников образовательной системы о положении дел, о проблемах, кризисах и тенденциях в образовании. НД**